

3 ТУ пожелтевшую от времени страничку из солдатского письма-треугольника мне передали красные следопыты. Торопливые карандашные строчки рассказывали:

«...Наше отделение обороняет дом на перекрестке улиц. Сегодня дня назад из него вышли фашисты. Позиция очень выгодная, и фрицы никак не хотят смириться с потерей. Каждый день они бросаются в атаку. Но всякий раз натываются на огонь наших автоматов.

Сейчас вечер. Километрах в двух от нас фашисты бомбят железнодорожный вокзал. То и дело слышатся взрывы бомб. А на нашем участке тихо.

Представь себе подвал трехэтажного дома, в центре — ящик из-под снарядов, перевернутый вверх дном. На нем чадит лампа без стекла. А вокруг — четверо красноармейцев, свободных от дежурства у огневых точек.

У самой лампы сидит Павел Лях — ветврач из-под Астрахани. Он читает книжку. Держит ее в руках, а под локтями, на коленях, лежит автомат. Книжку эту нам принес ротный.

— Почитайте, — посоветовал он, — тут про нашу солдатскую науку крепко сказано...

Ушел ротный, а мы — за чтение. Только было начали читать — прибежал с первого этажа дежурный:

— Фашисты!

На улице моросил дождь... Воспользовавшись им, гитлеровцы попытались подойти к дому, проникнуть на первый этаж. Но мы обрушили на их головы гранаты, а старшина полоснул по ним из «станкача». Несколько фашистов «приказали долго жить», а остальные откатились назад. Часа через полтора снова бросились в атаку. Но не тут-то было... Пока мы живы, дома им не видать, как своих ушей.

...Голос у Павла сильный, со свистом. Книжку эту читаем второй или третий раз, но все равно слушаем, затаив дыхание.

Мне много приходилось читать книг и газетных статей, а вот чтобы так, до самого донышка души брало, не помню. Она будоражит ненависть к врагу, удваивает нашу отвагу.

Если тебе попадет эта маленькая книжечка — она на-

зывается «Наука ненависти», — прочти...».

На этом письмо обрывалось. Ни подписи, ни даты.

«Наука ненависти»... У этого шолоховского рассказа особая, исключительная судьба.

Теперь о стойкости характера его героя лейтенанта Герасимова, о непревзойденной

вал о положении на фронте. Подчеркнул:

— Тяжелым этот год будет. Фашист к Волге рвется. Сейчас крепко к обороне готовиться надо.

Во время нашего разговора пришла девушка-почтальон, подала пачку солдатских треугольников. Писем Шолохову шло много. Михаил

Это было в Камышине

Вот уже более десяти лет журналист В. Мамонтов собирает материалы о творчестве М. А. Шолохова в годы войны. Ему удалось разыскать людей, которые встречались с писателем во фронтовой обстановке. В результате этих поисков В. Мамонтов написал несколько очерков. Один из них — о том, как создавался рассказ «Наука ненависти», о его судьбе — мы сегодня публикуем.

силе писательского слова написано немало статей и исследований. Но о значении «Науки ненависти» в те тяжелые дни сорок второго года известно пока не все.

...Николай Григорьевич Ведяпин — бывший первый секретарь Камышинского райкома партии, на квартире у которого писатель создавал «Науку ненависти», вспоминает:

— На исходе весны сорок второго печатать много писала об успехах наших частей на харьковском направлении. Казалось, что наступление врага остановлено, фронт стабилизируется. Это обстоятельство и побудило семью Шолохова в конце мая возвратиться с Волги на Дон, в Вешенскую. Однако в родном доме писатель пробыл недолго. Он выезжает на Южный фронт, в действующую армию.

А в начале июня Михаил Александрович приезжает в Камышин.

— Заехал вот друзей проведать, да и дела требуют, — сказал он.

Был писатель в гимнастерке, запятанных сапогах. Худой, уставший — видно, давала о себе знать недавняя тяжелая контузия.

За чаем Шолохов рассказы-

Александрович развернул одно, пробежал по строчкам пристальным, заинтересованным взглядом.

— Как хочется помолчать над письмами, ответить каждому фронтовику, — вслух подумал писатель. — А времени нет...

Но взволнованные строчки солдат, героев боев, захватили, полонили писателя. Весь остаток дня он разбирал почту, отвечал на письма...

После ужина спать Ведяпин не легли пораньше: хотелось дать возможность гостю отдохнуть с дороги. Михаил Александрович вроде сразу заснул. Но ночью, когда Николай Григорьевич проснулся, в «шолоховской» комнате горел свет. Писатель был за столом, работал.

Ведяпин прошел на кухню, поставил самовар. Делать все старался тихо, осторожно, чтобы не греметь. Но Михаил Александрович услышал, поднялся из-за стола.

— Чай — это хорошо, — одобрил он. И, словно извиняясь за ночное бдение, признался: — Не дает мне Герасимов сны досматривать.

— Кто-то? — не понял Ведяпин.

Отвечил Шолохов не сразу. — Ехал я недавно на Юж-

ный фронт. У шлагбаума железнодорожного переезда остановились. Вышли из машины. Стоим, ждем поезда. А тут из перелеска стадо коров высыпало. Подходит к нам красноармеец в гимнастерке, без ремня, заросший щетиной...

— Нет ли, — спрашивает. — чего покурить?

Угостили его. Закурили.

— Вижу, — говорит, — на фронт пробираетесь, а я вот по тылам слоняюсь. При коровах вроде как начальником состою... А я ведь, товарищ полковой комиссар, командир. Справедливо это?

Говорит, а в глазах такая тоска и отчаянность...

Оказалось, солдат этот чуть ли не с первых дней на фронте. В одном из боев на Полтавщине был ранен, попал в окружение. Потом перешел линию фронта, к своим. Попросился снова на передовую, а ему — отказ. Недовольное. Но такие битые фашистами, как Герасимов, многих небитых стоят. Как можно лишать солдата права защищать свою Родину? — гневно говорил Шолохов.

— Ну, а за чай спасибо, — улыбнулся он. — Теперь дело пойдет веселее.

Работал в то время Михаил Александрович напряженно, не отрываясь от письменного стола. Торопился.

Через несколько дней он уехал в Москву. А вскоре, двадцать второго июня, в первую годовщину войны, «Правда» напечатала «Науку ненависти» Михаила Шолохова. Это был рассказ о лейтенанте Герасимове, который не давал писателю «досматривать сны».

Шолохов снял с героя рассказа кем-то выдуманные подозрения, вернул ему право на солдатский долг защищать Родину.

В те дни Александр Фадеев назвал «Науку ненависти» довольно значительным событием литературы, где дан удачный, наиболее глубокий образ нового человека.

Открытый в образе лейтенанта Герасимова новый литературный герой заговорил со страниц центральных и фронтовых газет с миллионами читателей. В том же сорок втором году рассказ дважды издавался отдельными книжками. Шолоховская «Наука ненависти» шла в окопы, на передовые позиции. Она учила воинов побеждать.

В. МАМОНТОВ.